

поисков аналогий по разделам темы в других системах наук. По результатам обсуждения формировалось задание на следующую неделю.

Такая система работы Владимира Сергеевича была ценной в том отношении, что она побуждала меня постоянно быть, как говорят, «в боевом строю», а ему быстро и квалифицированно включаться в результаты моей работы во время обсуждения ее промежуточных итогов.

Киселев С.Н.

УРОКИ БОЛЬШОГО МАСТЕРА

С Владимиром Сергеевичем Преображенским я был едва знаком. Мы встречались только один раз, но эта встреча, которая на первый взгляд имела случайный характер, надолго врезалась в память.

В 1984 году на географическом факультете СГУ образовалось студенческое научное общество. СНО объединило студентов, аспирантов и преподавателей факультета, проявлявших интерес и склонность к теоретическим и методологическим вопросам географии. Появление СНО стало закономерным итогом всей той общественной атмосферы, которая сложилась тогда на факультете, и шире – в жизни нашего общества. Это было время перехода от эпохи «застоя» к эпохе «перестройки». Еще очень сильны были позиции научного догматизма, преклонения перед начальственным мнением, однако молодые интеллектуалы уже не боялись высказывать свою точку зрения, подвергать критике общепризнанные научные истины.

Многие из нас находились тогда под влиянием «обаяния» западной географической науки, прежде всего так называемой «гуманитарной географии», которая казалась на первый взгляд свободной от идеологических догм и более приближенной к жизни реального человека. Другое дело, что наше знание западной географии базировалось в основном на материалах реферативных журналов и немногочисленных переводах в советских периодических изданиях. Поэтому основным объектом критики на заседаниях СНО, которые проводились каждую неделю, а иногда и чаще – стало советское географическое наследие и, прежде всего, теоретические труды ведущих советских географов. Поэтому-то практически каждая наша встреча привлекала внимание представителей парткома, комитета комсомола и похожих как близнецы молодых людей молчаливо строчивших в углу аудитории свои таинственные тексты.

Менее чем за год силами участников СНО были подготовлены два сборника статей объемом более тысячи страниц, один из которых удалось даже задепонировать. Второй – «завернули» из ВИНТИ с какой-то формальной отпиской. С каждым нашим заседанием, с каждой дискуссией, с каждой статьей и исследованием росло наше самомнение и чувство собственной научной значимости (во многом оправданное, так как из участников СНО вышло три доктора наук и около десятка доцентов, кандидатов наук и преподавателей вузов). Тем не менее, появление на обычной, ничем не примечательной рядовой конференции студенческого общества САМОГО заместителя директора Института географии АН СССР было, как снег на голову.

Владимир Сергеевич отказался от места в президиуме и расположился за столом в 436 аудитории среди студентов. Он прослушал абсолютно все доклады, которых в тот день было около десятка, задавал много вопросов выступающим, участвовал в разгоревшейся дискуссии. Остроту дискуссии придал доклад Дмитрия Николаенко (ныне доктора географических наук, заведующего кафедрой СПб университета), посвященный проблемам метагеографии, географического науковедения и географической рефлексии. Докладчик утверждал, что советская география переживает состояние кризиса теоретической мысли и что преодолеть его можно только в результате отказа от методологических подходов, сформулированных советской географической школой, а также в результате смены поколений географов. Сегодня можно признаться, что одним из тех, кто казался нам преградой на пути развития новой географии как раз и был В. С. Преображенский. Он это прекрасно понял и на удивление спокойно отнесся к нашему молодому задору и «революционному» пафосу.

Очень мягко, доброжелательно, но не без юмора Владимир Сергеевич комментировал наши самые радикальные высказывания. Суть его замечаний сводилась к положению, что наша точка зрения совсем не противоречит магистральной линии развития советской географии, а наоборот - дополняет ее, что мы не должны останавливаться в своем поиске, что дух радикализма всегда присутствует в молодежной научной среде и это стоит только приветствовать. Мы получили урок большого мастера, и мне он помнится до сих пор.

В 1993 году в "Известиях РАН" была напечатана статья В.С. Преображенского "Бытийный географизм". Лично я считаю ее "лебединой песней" выдающегося ученого, одной из лучших русских географических работ XX века. Эта статья, безусловно, принадлежит к классическому наследию отечественной антропогеографической мысли, явлению уникальному, ни в чем не уступающему западным аналогам. Когда несколько позже мне довелось узнать, что Владимир Сергеевич писал стихи, то это уже не вызвало удивления потому, что понимание мира, отраженное в "Бытийном географизме" удивительно поэтично, созвучно тому лирическому образу географии, который в свое время нарисовал молодой Гоголь. образу той единственной науки, которая должна и может "захватить всякого до самозабвения".

Багрова Л.А.

ВОСПОМИНАНИЯ О В. С. ПРЕОБРАЖЕНСКОМ

Если выбирать самое запоминающееся из образа большого ученого, я бы назвала его умение увлечь собеседника своими идеями, яркими, не трафаретными, нестандартными, порой парадоксальными. Но главное даже не это. Всю его жизнь и деятельность пронизывала **Мысль**. Где бы мне не приходилось видеть Владимира Сергеевича – на заседании Ученого Совета в Институте географии и во время полевых экскурсий в Крыму, за чтением лекций на ФПК (факультете повышения квалификации) в Московском университете и на отдыхе, во время дискуссий с иностранными учеными на симпозиуме по туризму в Домбае и просто в короткий промежуток времени, когда мы поднимались по лестнице университета на геофак. –

никогда Преображенский не переставал думать, сомневаться, задавать вопросы, ставя собеседника в цейтнот, искать ответы, формулировать выводы и снова давать пищу научному мышлению. Он не давал «застыть» ни себе, ни окружавшим его.

Чему учил В. С. Преображенский?

Например, запомнилось, как он работал над печатным изданием. Однажды он предложил подумать над вопросом – что же такое рекреационные ресурсы? В то время был хаос в определении ресурсов: к ним относили все природные компоненты (климат, воды, растительность и др.), характеризовали их так же, как было принято в традиционных описаниях природы. Мы написали несколько страниц и отправили В. С. в Москву. Ответ пришел незамедлительно, в нем была уйма вопросительных знаков. Постарались ответить на поставленные вопросы и с чувством выполненного долга снова отправить черновик статьи в Москву.

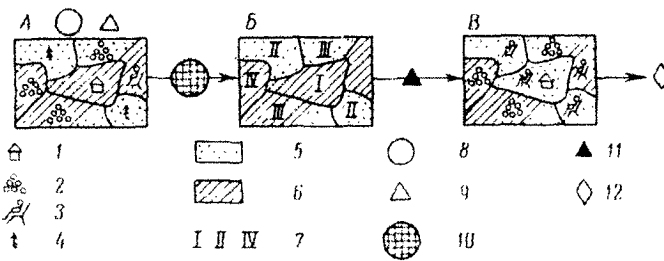
Но напрасно мы успокаивались: одно за другим из Москвы приходили послания, где совершенно в новых ракурсах ставился вопрос о ресурсах, об их объемах, трансформации, исторической роли, социальной, экономической и прочей сути. Это были не просто замечания по тексту, а каждый раз совершенно новый взгляд, новые мысли, критический анализ уже сформулированного. Теоретические положения было предложено пояснить «простенькими графическими схемками» (рис. 18).

Не менее 10 раз переделывалось содержание статьи, после чего она была опубликована в Известиях АН СССР (*Багрова Л. А., Багров Н. В., Преображенский В. С. Рекреационные ресурсы (подходы к анализу понятия) / Известия АН СССР. Сер. геогр. – 1977. – № 2. – С. 5-12*). Такое напряжение своих возможностей «до предела» позволило сполна ощутить истинную радость от проделанной работы.

Запомнился его совет, адресованный мне на симпозиуме в Домбае в 1976 году, когда я, как примерная школьница, конспектировала все выступления: *«Зачем? Вы все прочитаете потом в опубликованных тезисах! Сейчас Вам надо познакомиться с людьми, обменяться адресами, установить научные контакты – это даст намного больше ценной информации»*. Действительно, это оказалось легко – даже используя ломаный английский язык, со многими удалось разговаривать. Правда, мои попытки установить переписку с известным специалистом по рекреации и туризму из Марселя, который подарил несколько своих книг, впоследствии пришлось оставить – тогда еще был «железный занавес» и отправка писем за рубеж «не одобрялась».

Вообще, ссылки на то, что я чего-то не знаю, не умею, не владею, например, иностранными языками, - не принимались. «Узнайте, читайте, работайте», - говорил несколько раздраженно В. С. и давал «на просмотр» кипу новых книг и журналов на чешском, итальянском, немецком, испанском и др.

Имея огромный опыт проведения полевых работ во время многочисленных экспедиций, В. С. Преображенский старался передать его своим коллегам и ученикам. Мне запомнилось его настойчивое предложение обязательно вести вечерний дневник, кроме обычных записей в поле. Каюсь, я делала это редко. Но тогда, когда это происходило, рождались идеи, мысли, выводы сами «шли в голову» – это была самая плодотворная часть рабочего дня.

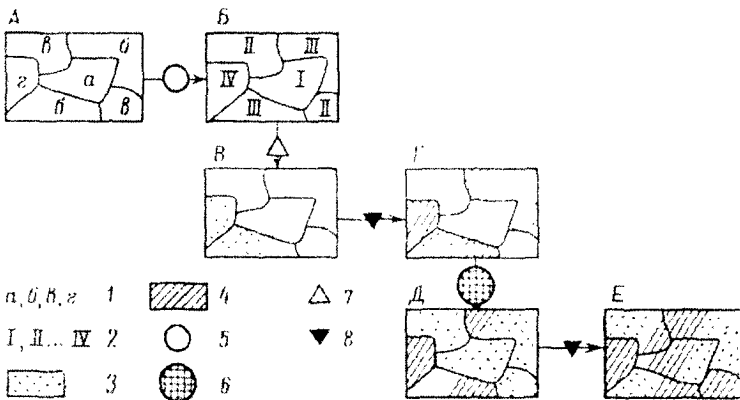

Переход природных геосистем в рекреационные ресурсы.

1 — селитебные; 2 — сельскохозяйственные; 3 — рекреационные; 4 — лесные; 5 — ресурсы; 6 — фонды; 7 — оценочные ранги; 8 — первоначальные потребности; 9 — средства, выделенные на благоустройство; 10 — учет возросших потребностей; 11 — учет возможного объема средств, выделенных на рекреацию (включая расходы на мелиорацию, на трансформацию угодий, на компенсацию другим отраслям за потерю угодий и т. д.); 12 — принятые решения о перераспределении земельных ресурсов или о формах совместного их использования.

Этапы перехода:

А — стабилизированная ситуация; Б — резкое увеличение рекреационных потребностей определяет необходимость пересмотра использования угодий и функциональной рекреационной бонитировки антропогенных модификаций природных геосистем; В — выделение нового объема потенциальных рекреационных ресурсов.

Переход основных территорий в категорию рекреационных ресурсов.

1 — типы геосистем; 2 — оценочные ранги; 3 — ресурсы; 4 — фонды; 5 — учет потребностей; 6 — учет возросших потребностей; 7 — учет имеющихся материальных ресурсов для освоения природных ресурсов; 8 — вложение материальных средств.

Этапы перехода:

А — Природные геосистемы существуют, но нег потребности, и следовательно они не приобретают характер ресурсов (ландшафтная карта); Б — возникновение потребности заставляет провести функциональную оценку, бонитировку природных геосистем (карта бонитировки ландшафтов); В — потребность формирует из наиболее ценных природных геосистем (IV и III оценочных классов) природные ресурсы (экстенсивное освоение, карта ресурсов и фондов); Г — приращение части ресурсов после вложения материальных средств в фонды (карта ресурсов и фондов); Д — возросши объем потребности определяет необходимость перевода в категорию ресурсов природных геосистем, использование которых невозможно без мелиораций и необходимости увеличения материальных затрат; Е — переход части ресурсов геосистем с низкими оценочными категориями в фонды после вложения средств.

Рис. 18.

При ландшафтных исследованиях В. С. советовал:

- обращать внимание на измененность ландшафтов, определяя ее даже «на глаз», и составлять цепочки измененности разных типов ландшафтов;
 - стараться всегда фиксировать микроклиматические различия;
 - выбирать дополнительные характеристики природы в разных регионах (так, например, считал, что для ЮБК очень важно обращать внимание на соотношение тени и света);
 - шире использовать сравнительно-географический метод (нельзя восхвалять, например, климат ЮБК, не сравнив его с курортами Сочи или Кипра);
 - тщательно подходить к выбору изучаемых участков, иногда заменяя их подробное описание характеристикой правильно выбранных «ключей» и мн. др.
- Думаю, что многие его советы будут востребованы студентами и сейчас.

Во время бесед он часто подчеркивал, что у каждого географа должна быть культура теоретического мышления. Призывал к обновлению географических фактов, которые устарели морально из-за того, что в основе сбора фактов были заложены разные теоретические материалы и модели, чаще всего — голая эмпирика. Учил создавать новые гипотезы, рассматривая старые как частный случай новой гипотезы. Радовался, что развивающаяся география уже привлекает другие науки, например, географическими прогнозами влияния ядерной войны на климат заинтересовались даже академические дипломаты.

Сравнивая географию и экологию, Владимир Сергеевич отмечал, что в экологической науке мало конструктивизма, в отличие от географии, где лучше связаны природные и экономические вопросы. Призывал изучать не чисто природные системы, а природно-технические.

Его особенность смотреть на все другими глазами, «наоборот», часто ломала сложившиеся стереотипы. Так, при написании диссертации по Юго-восточному горному Крыму Л. А. Багровой он настоял на том, чтобы нарушить принятую схему описания регионов и характеристику ландшафтных комплексов вынести в Приложение. В работах, выполняемых проектировщиками, он предложил разделы об охране природы (которым традиционно

Рис. 19. В. С. Преображенский и Н. В. Багров. Москва, Звенигород, 1998 г.

отводилась 1-2 страницы где-то в конце проекта) перенести на первые страницы и именно с них начинать любой реальный проект.

Осенью 1998 года, будучи в Москве, мы с Н. В. Багровым навестили В. С. Преображенского, который лечился и отдыхал в Подмосковье. Зная характер В. С., мы, тем не менее, еще раз были поражены его увлеченностью новым исследованием. В то время, когда остальные отдыхающие пансионата ветеранов войны медленно бродили по аллеям старинного парка, В. С. Преображенский, в полевой форме, с сумкой, набитой бумагами и картами, спешил «на работу» - к сотрудникам местного музея (рис. 19). Там они поднимали архивные материалы, чтобы узнать, как менялись формы собственности земель, характер их использования, как происходили процессы деградации и восстановления ландшафтов. *«Это безумно увлекательно и интересно!»* – восторженно сообщил В.С. Это была наша последняя встреча.